

Толкачёва О.Н.

Психоаналитическое
исследование
Идеал-Я

Комплексы Джейн Эйр

/скифия

Оксана Толкачева

**Комплекс Джейн Эйр.
Психоаналитическое
исследование Идеал-Я**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2021

УДК 159.9
ББК 88.1(2)61-736

Толкачева О. Н.

Комплекс Джейн Эйр. Психоаналитическое исследование Идеал-Я / О. Н. Толкачева — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2021

ISBN 978-5-00025-231-4

Данная книга представляет собой классическое психоаналитическое исследование, призванное восполнить существующий в психоаналитической теории пробел, касающийся формирования и развития психической структуры Идеал-Я, впервые означенной, но недостаточно концептуализированной Фрейдом. Исследуются не только особенности содержания, условия формирования и развития, но и характер связей Идеал-Я с другими психическими структурами – Я, Оно и Сверх-Я. Отмечается роль структуры Идеал-Я в различных психических расстройствах. Описанный автором «комплекс Джейн Эйр» является одним из примеров патологии Идеал-Я. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9
ББК 88.1(2)61-736

ISBN 978-5-00025-231-4

© Толкачева О. Н., 2021
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2021

Содержание

Предисловие	6
Формирование, развитие и функции идеал-я	8
Фетальное-Я и Идеал-Я	8
Идеал-Я и Сверх-Я	13
Идеал-Я и Я-Идеал	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Оксана Толкачёва
Комплекс Джейн Эйр. Психоаналитическое
исследование Идеал-Я

Я благодарна своим близким за неизменные любовь и поддержку в периоды уныния и сомнений.

© Толкачёва О. Н., 2021

© ООО «ИТД “Скифия”», 2021

Предисловие

В предлагаемой вниманию читателей работе представлено развитие одной из основополагающих метафор психоаналитического метода о структуре человеческой психики. Автор исследует конструкт Идеал-Я, впервые сформулированный Фрейдом как составляющая другой психической структуры – Сверх-Я. В последующих работах психоаналитиков произошла достаточно отчетливая дифференциация этих структур, которая, однако, не была в должной мере обозначена. Данное исследование призвано восполнить этот пробел и осуществить системное исследование развития и формирования психической структуры Идеал-Я в рамках классической психоаналитической методологии, подразумевающей рассмотрение феномена со структурной, экономической, динамической и топической точек зрения.

Автор, привлекая к анализу и интегрируя в единое, внутренне непротиворечивое повествование опыт психоаналитиков разных школ, попутно знакомя нас с идеями пока ещё неизведанной для российских читателей аргентинской школы психоанализа, обращается к исследованиям пренатального опыта, описывает связь человека и его тела через неосознаваемую магию взаимоотношений универсума матери и дитя, а затем идет дальше – к участию в формировании Идеал-Я всех фигур семейной системы, включая не только мать и отца, но и сиблингов. Здесь О. Н. Толкачёва делает попытку привлечь внимание к структурирующей психику роли братьев и сестер, значимость которых часто недооценивается в психоаналитических теориях развития, центрированных преимущественно на вертикальных связях между детьми и родителями.

Следуя психоаналитической традиции иллюстрировать теоретические изыскания продуктами культуры, автор переосмысляет истории мифических персонажей – Эдипа, Агамемнона, Клитемнестры, Кассандры, Ореста и Электры, которые предстают перед нами не только как преступники, нарушающие запрет, но и как герои, стремящиеся к воплощению идеалов. Анализ мифов дополняется иллюстрациями случаев из практики, изложенных в форме терапевтических новелл.

Большую часть книги занимает психоанализ главной героини романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Автор шаг за шагом следует за Джейн, предлагая взглянуть на скитания и жизненные перипетии героини через психоаналитическую оптику. Заимствуя форму прикладного анализа художественного произведения, по сути автор предлагает нам описание клинического случая так, будто Джейн рассказала свою историю, лежа на кушетке психоаналитика. Эта часть работы содержит размышления об актуальных проблемах современной терапевтической практики: нарушения пищевого поведения и дромомания у подростков, ядерная структура пограничных расстройств, патологические симбиотические связи и нарушения индивидуации, фиксация на ложной идеализированной самости и нарциссический отказ признавать и оплакивать утраты. Так история Джейн Эйр становится собирательным образом, комплексом, архетипом, контейнером смыслов, в гранях которого каждый читатель увидит свое отражение. Но, безусловно, сильнее всего история Джейн Эйр откликнется у женской аудитории. Отчаянная потребность в любви и непреодолимая неспособность принять любовь составляет основное содержание этого комплекса и окажется знакомой многим читательницам, чьи усилия по поиску хорошего объекта во внешнем мире разбиваются о внутреннюю невозможность этот объект усвоить.

Наконец, стоит отметить стиль и художественную ценность книги, которая не дает читателю расслабиться и погрузиться в простое поглощение текста, а приглашает и провоцирует на размышления и внутренний диалог. Разрабатываемые в книге идеи написаны хорошим литературным языком и демонстрируют эстетику психоаналитического исследования.

Елена Дмитриевна Сидоренко, специалист и обучающий психоаналитик Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии (ЕСРР), член Самарской психоаналитической группы специалистов (СПаГС) и Самарского балинтовского общества (СРОО СБО), директор Автономной некоммерческой организации «Объединение практикующих психологов СТУДИЯ “ПСИХЕЯ”».

Формирование, развитие и функции идеал-я

*Они не мертвы, как покойники, а подобны теням Одиссея,
которые, напившись крови, пробуждаются к жизни.*

З. Фрейд. Толкование сновидений

Фетальное-Я и Идеал-Я

Начнем исследование с формулирования гипотезы об условиях формирования, развития, а также функциях структуры Идеал-Я. Мы будем опираться на психоаналитические теории Зигмунда Фрейда о структурном и экономическом развитии психического аппарата, культурологические исследования Отто Ранка, теорию самости Хайнца Когула и некоторые идеи объектных теоретиков относительно роли ранних объектов привязанности в формировании и развитии психических структур. Многие представленные в этой работе размышления относительно структуры Идеал-Я были вдохновлены работами аргентинских психоаналитиков – Арналдо Расковски, Фидиаса Сесио, Альберто Лоски и других.

Одним из предметов психоаналитических исследований является психический аппарат, его формирование, развитие и функционирование. Психический аппарат – это разработанная Фрейдом модель психического. Идеи Фрейда относительно развития, строения и функционирования психического аппарата составляют психоаналитическую метапсихологию. В моем понимании, так же как термин «организм» не описывает полностью человека, так и термин «психический аппарат» не описывает всю область психического, а лишь структурно организованное психическое. Главным условием организации психических элементов в структуры является культура в самом широком смысле этого слова.

Ллойд Демоз совершает обзор пренатальных исследований, доказывающих существование фетальной психики на том основании, что формирование у плода головного мозга, нервной системы и сенсорного аппарата начинается в первый же месяц после зачатия. «К концу первого триместра (первые три месяца) нервная система и сенсорный аппарат развиты уже настолько хорошо, что плод реагирует на прикосновение легким волоском к ладони тем, что схватывает его, на прикосновение к губам – сосанием, в ответ на прикосновение к векам прищуривается. Врачи, производящие в это время амниоцентезис – исследование амниотической жидкости, могут иногда наблюдать, как плод прыгает, и сердцебиение учащается, когда игла касается его тела. Зрение настолько хорошо развито, что сердцебиение учащается, когда на живот матери светят ярким светом, а при введении врачом ярко светящегося фетоскопа плод часто отворачивает лицо от света. Вкус развивается к четырнадцати неделям, и с этого времени плод чувствителен к состоянию амниотической жидкости. Слух в первый триместр развит даже ещё лучше: плод становится активнее, и частота сердцебиения возрастает, когда возле живота матери производится громкий звук, а в многочисленных экспериментах показано настоящее научение плода на основе звуковых стимулов».

Демоз развенчивает не только устойчивое и очевидно защитное представление об отсутствии у плода психического, но и представление о безобъектности и безмятежности внутриутробной жизни. В работе «Травма рождения» Ранк описывает бессознательные страх и желание вернуться во внутриутробное состояние, представляющееся потерянными раем. Демоз на основе клинических наблюдений делает вывод, что «психическая жизнь плода на самом деле начинается с активных взаимоотношений с одним жизненно важным объектом: плацентой. Все существование плода зависит от плаценты, питающей и постоянно очищающей его кровь, а на любое ослабление функции плаценты плод реагирует явным гневом, что проявляется в

порывистых движениях и учащенном сердцебиении. Можно наблюдать, как плод снова и снова на протяжении ранних этапов фетальной жизни проходит через циклы спокойной активности, мучительной гипоксии, периода метания, а затем возврата к спокойному состоянию, когда плацента вновь начинает накачивать ярко-красную обогащенную кислородом кровь... питающая плацента становится постепенно самым первым объектом фетальной психической жизни, а регулярные перерывы в этих жизненно важных взаимоотношениях вызывают у плода самые первые ощущения тревоги».

Демоз предлагает модель фетальной психики, описывающую объектное взаимодействие фетального-Я с Питающей и Ядовитой Плацентой как прототипами пост-натальной «хорошей» и «плохой» груди в теории Мелани Кляйн. Взаимодействие с Питающей Плацентой, поставляющей обогащенную кислородом кровь и нейтрализующей отходы жизнедеятельности плода, является прототипом будущих функций холдинга и контейнирования, которые осуществляет мать во время ухода за младенцем, а взаимодействие с Ядовитой Плацентой составляет прототипическое содержание всех постнатальных кастрационных тревог. Можно добавить, что внутриутробная ситуация предшествует описанной Кляйн параноидно-шизоидной позиции, когда плод преследуется убийственной Ядовитой Плацентой без возможности установить связь с «достаточно хорошим» объектом и выйти на депрессивную позицию, поскольку плацента объективно с каждым днем справляется со своей функцией все хуже и хуже, и плод постепенно оказывается во все более невыносимых условиях, кульминацией и разрядкой которых становится акт рождения и выход из матки.

Относительно мирными можно назвать только первые несколько недель беременности, «когда амниотическая полость ещё довольно просторна для плода, он то спокойно в ней плавает, то отчаянно брыкается, кувыркается, икает, вздыхает, мочится, глотает амниотическую жидкость и мочу, сосет пальцы рук и ног, хватает пуповину, возбуждается при внезапном шуме, успокаивается, когда мать говорит спокойно, и засыпает, убаюканный, если она ходит», – сообщает Демоз.

По мере увеличения потребностей плода и ускорения дегенеративных процессов в плаценте внутриутробная ситуация становится все более напряженной. В последний месяц беременности плод существует в условиях чрезвычайной тесноты, отравления отходами собственной жизнедеятельности и гипоксии, против которых младенец протестует толчками и брыканием. Как пишет Демоз: «Если бы матка была заполнена не водой, а воздухом... можно было бы слышать, как плод значительную часть времени кричит в матке». Рождение и выход из матки, несмотря на чрезвычайный стресс и ещё большее удушье в процессе, в действительности является освобождением. Ребенок получает первую автономию в виде способности к дыханию, которое теперь не зависит от объекта. В постнатальной жизни именно дыхание выполняет функцию первого «хорошего» объекта, формируя его интроецированное имаго и закладывая ядро безобъектного нарциссизма.

В лице матери ребенок имеет шанс обнаружить более устойчивый и постоянный «хороший» объект, нежели в плаценте. Сразу после появления на свет младенец оказывается переполнен составляющими влечение смерти репрезентациями тревог (гипоксия, давление на голову и тело, первый обжигающий контакт с кислородом) и нуждается в нейтрализующих либидинальных инвестициях (дыхание, убаюкивание, тепло, питание). Пренатальные циклы взаимодействия с Питающей и Ядовитой Плацентой ещё будут продолжаться для младенца некоторое время как взаимодействие с «хорошей» и «плохой» грудью, пока ребенок не обретет достаточную автономию и способность к установлению связи с постоянным, «достаточно хорошим» объектом, что невозможно без встречных усилий и качественной заботы со стороны объекта.

Таким образом, в модели Демоза фетальное-Я развивается из сенсомоторной активности плода и во взаимодействии с плацентой как первым инвестирующим и фрустрирующим

объектом, обеспечивающим загрузку фетальной психики протофантазиями либидинального (Питающая Плацента) и кастрационного (Ядовитая Плацента) содержания, являющимися первоисточниками постнатальной экономики психического аппарата.

А. Расковски сформулировал свою модель фетальной психики на основе постулата о существовании филогенетических, переданных по наследству объектов, во взаимодействии с которыми развивается фетальное-Я. Здесь Расковски следует идеям Фрейда о филогенетическом наследии Оно. На мой взгляд, плацента представляется более достоверным объектом фетального-Я, чем ненаблюдаемые филогенетические объекты. Остальные же рассуждения Расковски относительно развития фетального-Я кажутся достаточно убедительными.

Расковски предполагает, что фетальные протофантазии имеют характер двумерных образов, лишенных пространственного-временного измерения. Эти образы будут подвергнуты первичному подавлению в акте рождения и составят наиболее архаичное содержание Оно. В фетальной психике разделения на структуры, Оно и Я, пока ещё не существует, как нет разделения на Я и объект. Это разделение впервые появится только после рождения, первичного подавления двумерных протофантазий и организации связи с трехмерными объектами внешнего мира. По мнению Расковски, подавление осуществляется как реакция на интенсивную тревогу, вызванную травмой рождения. Это первичное подавление является препятствием для осознания содержаний фетальной психики, а травматический опыт рождения будет актуализироваться в постнатальной жизни как паттерн *непосредственно перед* ситуациями угрозы в виде переживания жуткого или дурных предчувствий.

Модель Расковски предполагает первичное структурирование психики после рождения и подавление фетального опыта в наиболее архаичные слои Оно. Эти архаичные протофантазии недоступны для осознания и воспоминаний, поскольку не имеют характерных для постнатальной жизни психических репрезентаций. Фетальные протофантазии могут вернуться и получить жизнь только в форме актуальных переживаний. Этот феномен в дальнейшем будет рассматриваться нами в рамках обсуждения механизмов актуализации бессознательных фантазий. Расковски также отмечает, что процесс рождения сопряжен с загрузкой психики плода влечениями смерти, а установление связей с внешними объектами призвано мобилизовать влечения жизни и нейтрализовать влечения смерти. Дальнейшее развитие постнатальной психики осуществляется средствами механизмов проекции и интроекции как форм связи с внешними объектами, паттерны взаимодействия с которыми инкорпорируются в постнатальную психику и организуют психические элементы в структуры.

Для дальнейших рассуждений нам необходимо ввести различение актуальных и идеальных объектов. Для фетального-Я плацента является актуальным объектом, а мать – идеальным, воображаемым объектом, к которому фетальное-Я не имеет прямого доступа, а лишь опосредованно, через поступающие из внешнего мира акустические стимулы (сердцебиение матери, её голос и звуки других объектов). Мать становится для ребенка актуальным объектом только после рождения. То же самое можно сказать о восприятии плода матерью. Мать вынашивает ребенка как идеальный объект своих фантазий, актуальным объектом ребенок становится для матери только после рождения. Встрече матери и ребенка как двух актуальных трехмерных объектов со своей личной историей предшествует период времени, наполненный двумерными фантазиями, идеями друг о друге. Для матери этот период может длиться дольше, чем для плода, ведь она может начать фантазировать о ребенке задолго до зачатия. Во время беременности инвестиции плаценты составляют экономику фетального-Я, а фантазии матери о ребенке, её идеи о ребенке составляют будущую экономику его Идеал-Я. Мать вынашивает ребенка как актуальный объект в своем теле и как идеальный объект в своей психике.

Содержание этих фантазий может быть самым разнообразным, но они непременно будут включать опыт взаимодействия женщины со своей матерью, отчасти репрезентированный собственным телом – телом матери. Беременность актуализирует множество бессознательных

фантазий женщины, с которыми она до этого могла не вступать в контакт. Эти фантазии могут быть пугающими и обнадеживающими одновременно. Поскольку плод развивается внутри тела матери, среди других её органов, неизбежными являются фантазии о том, что ребенок является частью тела или органом матери, и здесь многое будет зависеть от того, в каких отношениях женщина находится с собственной телесностью, воспринимает ли она свое тело как пространство, заслуживающее доверия, способное быть надежным контейнером для тревог и образов будущего ребенка. Или же, напротив, собственное тело оказывается пространством деструктивных проекций ранних отношений с матерью, в которых актуальный плод и образ будущего ребенка играют роль вторгающегося, опасного, пугающего, навязчивого и непредсказуемого объекта. Значимой будет также диспозиция идеализированных фантазий о беременности и ребенке и актуальных переживаний: насколько благоприятно протекает беременность, возникают ли осложнения и нарушения в развитии плода, достаточно ли женщина получает поддержки и т. д.

Другой аспект фантазий матери касается её идеализированных представлений об образе будущего ребенка, которые преимущественно исходят из Идеал-Я самой матери, составляя первичные и жизненно важные психические инвестиции в развитие ребенка. Эти фантазии включают представления об идеальном ребенке и идеальной матери, большая часть этих содержаний также отсылает к опыту взаимодействия с собственной матерью и её представлениям об идеальном ребенке и идеальной матери. Соотношение тревожных и ассоциированных с удовольствием фантазий матери о будущем ребенке определяет валентность будущего Идеал-Я, функцией которого является обеспечение первичного нарциссизма ребенка, своего рода «материнский капитал». Преобладание у матери деструктивных фантазий обеспечивает загрузку будущего Идеал-Я ребенка репрезентациями влечения смерти. Преобладание либидинальных, ассоциированных с удовольствием фантазий обеспечивает загрузку Идеал-Я репрезентациями влечения жизни. Кроме того, либидинальные идеализации будущего ребенка, самого процесса беременности и образа себя в качестве матери позволяют женщине легче переносить процессы беременности, родов и последующего материнства, сложности которых зачастую недооцениваются даже профессионалами. Матерям вменяется в обязанность исполнять множество сложнейших, требующих огромного запаса либидинальных инвестиций функций, но мало кто задумывается о том, откуда должны изыматься необходимые для продолжения жизни влечения. Если у женщины нет нейтрализующих её тревоги и инвестирующих либидинальными репрезентациями объектов, Идеал-Я ребенка претерпевает загрузку репрезентациями тревог матери, которые и составят содержание первичного нарциссизма ребенка.

Итак, можно сделать следующий вывод: ситуация рождения сопряжена с первичным структурированием психики на архаичное Оно, содержанием которого является фетальный опыт, актуальное-Я, развивающееся во взаимодействии с актуальными объектами трехмерной реальности, и первичный Идеал-Я, содержание которого составляют материнские фантазии.

Фрейд в работе «Я и Оно» пишет: «Я-идеал имеет самую тесную связь с тем, что было приобретено индивидом в филогенезе, его архаическом наследии... Наследственное Оно заключает в себе остатки бесчисленных существований Я, и когда Я черпает свое Сверх-Я из Оно, оно, пожалуй, лишь вновь обнаруживает более давние формы Я, их воскрешая». Составляющие Идеал-Я репрезентации предков – матери и отца, дедушек и бабушек – действительно являются филогенетическими объектами, здесь я готова следовать мысли Фрейда и согласиться с Расковски, мое расхождение с последним заключается лишь в осмыслении способов и времени передачи актуальному-Я этих объектов. Аргентинские аналитики постулируют *пренатальную передачу* содержаний Идеал-Я. Обнаружение филогенетических корней Идеал-Я как хранилища образов предков, мертвых предков, позволило Фидиасу Сесио утверждать, что филогенетическое наследие делает Идеал-Я хранилищем колоссального запаса либидо, но вместе с тем именно в нем берет свои истоки влечение смерти, репрезентированное архети-

пическим образом Мертвеца. Я же полагаю, что содержания Идеал-Я имеют *онтогенетическое происхождение* в том смысле, что они становятся доступны актуальному-Я ребенка только после рождения посредством идентификации с фантазиями, идеями значимых объектов привязанности.

Когда ребенок появляется на свет, родители вступают во взаимодействие с ним как с актуальным объектом, обладающим личной историей, и этот актуальный объект может во многих отношениях соответствовать или не соответствовать их идеям о ребенке и родительстве в целом. Начинается одна из важных задач родительства – постепенная, неторопливая работа разочарования, освобождения от чар идеала, чтобы у ребенка появилась возможность состояться не в качестве объекта актуализации образов предков, мертвецов, а в качестве индивидуальности со своей собственной человеческой историей.

Идеал-Я и Сверх-Я

Мне бы хотелось предложить некоторые размышления относительно различий процедуры кастрации и работы разочарования. В психологическом смысле процедура кастрации подразумевает утрату частичного, выполняющего противовозбуждающую функцию, объекта. Противовозбуждающая функция позволяет связывать и нейтрализовать психические возбуждения, которые, преодолевая определенный количественный порог, приобретают разрушительный характер.

Типичными вариантами кастрации считаются ситуации отнятия от груди, приучения к горшку и другие элементы тренинга, а также запрет на инцестуозные действия. Процедура кастрации сопровождается обретением на месте утраченного частичного объекта предметного или символического субститута – ложка вместо материнской груди, горшок вместо спонтанного опорожнения, игрушки и вербально-знаковое общение вместо эrogenных ласк. Каждая процедура кастрации представляет собой опыт утраты и предполагает осуществление работы горя. Ребенок утрачивает не только частичный объект как привычный для себя источник противовозбуждения и удовольствия, но и часть тех omnipotentных фантазий, которые наполняли его фетальный Идеал-Я, когда ребенок был чистой потенцией, абсолютным идеалом. Родители будут проводить ребенка через процедуры кастрации, утраты и разочарования в соответствии со своим опытом и фантазиями на эти темы. Представляется благоприятной ситуация, когда родители понимают и принимают право ребенка на гнев и оплакивание утраты, когда они не только устанавливают запрет или совершают подмену (что ведет не к кастрации, а к удвоению) объектов, а стараются сопровождать утрату частичного объекта очарованием новых объектов, поначалу несколько идеализируя их.

Так, при переходе от грудного вскармливания мать улыбками и интонациями голоса поощряет ребенка пробовать новую пищу и изучает его вкусы, чтобы новая еда приносила ему удовольствие. Ограничение телесного контакта с растущим ребенком, например, когда ребенка приучают самостоятельно мыться, одеваться, спать отдельно, не прикасаться к определенным частям тела матери и отца, компенсируется приносящим удовольствие, «ласкающим» вербальным контактом. Если родители обсуждают с ребенком его страхи, фантазии и желания, терпеливо отвечают на его вопросы и с искренним интересом выслушивают, моторика как путь разрядки влечений постепенно замещается речью. Таким образом родители нивелируют, насколько это возможно, травмирующий потенциал кастрации, помогая ребенку либидинально инвестировать смену актуальных объектов и свое Я в этом движении. Ребенок овладевает работой горя и работой разочарования, чтобы не отворачиваться от актуальной реальности, а либидинально инвестировать ее.

Что происходит, когда родители практикуют не столь «очаровательные» процедуры кастрации, а приучают ребенка к «принципу реальности», имея в виду, разумеется, свой, чаще всего полный тревог и фрустраций, взгляд на «реальность», на то, что хорошо и должно? Как мне кажется, в этом случае ребенок усваивает представления о тревожных, садистичных объектах и опасной реальности, которая безнадежно разочаровывает и во всем проигрывает утраченной идеальной реальности. Процедура кастрации приобретает либо характер травмы, оставляющей вместо утраченного объекта рану, дыру, помечающей беспомощность субъекта перед жестокостью другого, либо характер стигмы – получение объекта, заведомо худшего по сравнению с утраченным. Так, переживание генитальной кастрации девочкой будет иметь характер стигмы, если в семейных фантазиях присутствует чрезмерная идеализация пениса, например, когда мать мечтает о рождении мальчика или наделяет привилегиями брата девочки. Утраченный в актуальной реальности, но не оплаканный частичный объект сохраняет свои позиции,

становясь сердцем меланхолической психической экономики, защитой от которой часто становится полуавтоматический, оператуарный режим бытия.

Процедура кастрации является источником цепочек репрезентаций, организующихся в структуру Сверх-Я, поэтому содержание репрезентаций Сверх-Я родителей является определяющим фактором того, как родители осуществляют процедуры кастрации детей, происходит ли воспроизведение или гиперкомпенсация их собственного детского опыта. Способность очаровывать, идеализировать, набрасывать вуаль¹ желанности и привлекательности на актуальные объекты является функцией Идеал-Я, содержание которого, а также степень автономности Я от Сверх-Я и Идеал-Я оказывает значимое влияние на то, в какую реальность родители иницируют своих детей.

В работе «Я и Оно» термины Сверх-Я и Идеал-Я употребляются Фрейдом как взаимозаменяемые, хотя в логике Фрейда уже прослеживается различие функций этих структур, которое станет ещё более отчетливым в дальнейших работах аналитиков. Самым общим образом можно сказать, что структура Сверх-Я является более поздним по сравнению с Идеал-Я образованием комплекса кастрации и организуется из запрещающих, ограничивающих репрезентаций и ассоциированных с ними тревог «Ты не смеешь». Структура Идеал-Я организуется из побуждающих репрезентаций «Ты должен». Поскольку психические структуры организуются путем интроекции образов объектов и связей с ними, макроструктуры Я, Сверх-Я и Идеал-Я имеют отношение друг к другу как к объектам. Сверх-Я инвестирует Я репрезентациями тревог, а Идеал-Я инвестирует Я либидинальными репрезентациями. По мере развития индивидуального Я личной истории, при условии помощи ранних объектов привязанности в нейтрализации и связывании влечений и тревог, Я овладевает инвестициями конгломерата Сверх-Я и Идеал-Я, включая эти инвестиции в собственную нарциссическую экономику, получая тем самым автономию от внешних объектов – их любви и запретов.

Содержание нарциссических депрессий, для которых характерны ощущение безжизненности, пустоты, омертвелости, смыслоутраты, неспособности получать удовольствие от жизни и желать чего-либо, лучше объясняется не загрузкой влечений смерти со стороны Сверх-Я, а разрывом связи между Я и Идеал-Я. Одно объяснение не отменяет другого и не противоречит ему. Как мы выяснили из исследования фетальной экономики, в отсутствии либидинальных инвестиций Я оказывается затоплено возбуждениями и репрезентациями тревог, задним числом ассоциированных со Сверх-Я, последним кордоном против которых выступает торможение психической продуктивности в целом, как искусственная кома является экстремальным средством защиты против боли. Но первоначальный сбой произошел именно в структуре Идеал-Я, которая по какой-то причине не инвестирует актуальное-Я.

Некоторые формы тревожных расстройств, таких как социофобия, имеют отношение к особенностям экономики между структурой Я и конгломератом Идеал-Я и Сверх-Я. Страдающий социофобией и отказывающийся от связей с объектами внешнего мира субъект регрессирует к ситуации фетального-Я, представляющего собой чистую потенцию, идеал. В отсутствии контактов с внешним миром человек может фантазировать о всех тех грандиозных успехах и признании, которое он получит после выхода на актуальную сцену. Каждый реальный контакт с миром сопряжен с утратой части или всей совокупности этих фантазий, кастрацией и необходимостью работы горя и работы разочарования, которые не могут быть проделаны без либидинально инвестирующего актуальное-Я объекта (таковой обычно отсутствует в окружении социофоба). Хрупкая и неустойчивая связь Я с грандиозным Идеал-Я рвется при малейшей фрустрации или даже угрозе фрустрации, и Я оказывается во власти примитивного Сверх-Я, что вынуждает социофоба в попытках привлечь инвестиции Идеал-Я ещё больше фанта-

¹ Вуаль как репрезентация Питающей Плаценты, создающей переходное пространство идей между матерью и ребенком как актуальными объектами. Мы ещё встретим этот образ в истории Джейн Эйр.

зирать о своих грандиозных успехах, чтобы защититься от непрерывных и яростных атак Сверх-Я. Как сказала мне страдающая социофобией пациентка: «Мне нужно 100 % одобрения, потому что, если я получу 99 % одобрения и 1 % критики, я восприму только этот 1 %». В семейном анамнезе таких пациентов часто присутствуют множественные утраты с патологическим горем, бессознательным чувством вины и травмирующим разочарованием.

Идеал-Я и Я-Идеал

Непосредственно Фрейд различия между Идеал-Я и Я-Идеалом не вводил, оно появилось позже и возникло в некотором роде как артефакт трудностей языкового перевода, что при этом оказалось продуктивным для осмысления потенциальных тонких нюансов. Далее я буду описывать свои соображения на этот счет, опираясь на труды других психоаналитиков.

Отто Ранк заметил, что мифы о героях имеют «ряд единообразных черт... нечто вроде идеального человеческого скелета, который с незначительными отклонениями неизменно наблюдается при просвечивании человеческих фигур, внешне отличающихся друг от друга». Повествование обычно начинается с событий, случающихся до рождения героя. Как правило, это сновидение или предсказание о будущей судьбе героя. Истинные родители уstraшаются или очаровываются предсказанной судьбой и совершают ряд действий, чтобы предотвратить или обеспечить исполнение предсказания. Ребенок передается (часто акт передачи репрезентирован путешествием ребенка по воде) приемным родителям на воспитание, создается разрыв между породившими и воспитавшими родителями, между выносившей и вскормившей матерью. Чаще всего ребенок воспитывается в обычной, простой семье и мы мало знаем про его детство, а Героем он становится лишь тогда, когда пророчество исполняется.

Ранк называет описанную структуру мифов «семейным романом», полагая, что миф отражает проективные фантазии ребенка. Кроме того, по мнению Ранка, мифы о героях репрезентируют фантазию о возврате во внутриутробную ситуацию. В моем понимании, Герой стремится *актуализировать* внутриутробную ситуацию, когда ребенок ещё не существовал для матери как актуальный объект и был для нее идеалом. Пророчество, голос Оракула, Рок репрезентирует идеал ещё не рожденного ребенка, а становление в качестве Героя отображает прямую идентификацию актуального-Я ребенка с идеалом – Я-Идеал.

Сесио, осмысляя парадигмальный для психоаналитической теории миф об Эдипе, различает Эдипов комплекс и Эдипову трагедию. Оракул предсказывает, что Эдип убьет отца и женится на матери. Эти содержания составляют Эдипову трагедию – содержание фетального Идеал-Я, сформированного фантазиями родителей до появления ребенка на свет. Эдипов комплекс, по мнению Сесио, предполагает усилия родителей по нейтрализации и погребению этих содержаний в подлинное, то есть не имеющее доступа к психическим репрезентациям, бессознательное. Идентификации с родителями как актуальными объектами – родителями личной истории – способствуют нейтрализации содержаний архаичного Идеал-Я. Таких родителей в мифах репрезентируют простые люди, которые, в отличие от идеализированных образов предков, могущественных Богов и Царей, не выражают ревности, зависти и инцестуозных² влечений в отношении ребенка. Когда родители переполнены архаичными тревогами, формирующими Идеал-Я ребенка из репрезентаций инцестуозных и убийственных фантазий, актуальное-Я ребенка не имеет доступа к нейтрализующим идентификациям и либидинальным инвестициям родителей личной истории, а прямо идентифицируется с репрезентациями архаичного Идеал-Я и, как Эдип, актуализирует пророчество, становясь Я-Идеалом.

Появление переходного пространства между репрезентированными Эдиповой трагедией архаичными фантазиями об инцесте и убийстве и репрезентированными Эдиповым комплексом вторичными процессами является более поздним достижением, поскольку ранние мифы, мифы о титанах и богах, не содержат мотивов расщепления родительских фигур на образы всемогущих, жестоких и преследующих чудовищ (монструозный Я-Идеал) и образы заботли-

² Относительно различий понятия инцестуальности и инцестуозности в моем понимании: инцестуальность – это универсальная тенденция влечения к субститутам ранних объектов привязанности (похожих на отца или мать, брата или сестру), возникшая в результате запрета на реализацию инцестуозных влечений, направленных непосредственно на объект – отца или мать, брата или сестру.

вых и готовых к самоограничениям простых смертных. В мифах о древних богах инцестуозные, кастрационные и убийственные тревоги передаются из поколения в поколение и воспроизводятся практически в неизменном виде. Уран, боясь погибнуть от рук детей, удерживал их в симбиотической связи с матерью, Геей, которая подговорила одного из своих сыновей, Кроноса, оскотить отца. Кронос, кастрировавший отца, боясь повторения его участи, отнимает детей у матери, Реи, и пожирает их, но Рея скрывает от него одного из своих детей, Зевса, и Зевс после продолжительной борьбы свергает и кастрирует отца, становясь властителем всех богов.

Эти мифы описывают механизм прямых идентификаций, когда дети актуализируют архаичные тревоги родителей. Фрейд описывает механизм прямой идентификации в работе «Психология масс и анализ человеческого Я»: «Идентификация известна психоанализу как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. Она играет определенную роль в предыстории Эдипова комплекса. Малолетний мальчик проявляет особенный интерес к своему отцу. Он хочет сделаться таким и быть таким, как отец, хочет решительно во всем быть на его месте. Можно спокойно сказать: он делает отца своим идеалом».

В этом пассаже есть указание на то, что механизм прямой идентификации является ранней формой связи с объектом по типу уподобления и по времени возникновения предшествует Эдипову комплексу. В теории Сесию механизм прямой идентификации характерен для Эдиповой трагедии, когда ребенок прямо идентифицируется с идеалом родителей и актуализирует его. Прямые идентификации не подразумевают выбора – это неодолимая сила фатума, рока. Сформированные прямыми идентификациями Я – это реплика, тело, дающее жизнь идеалам предков. Как пишет Ранк: «Создается впечатление, что все двойники, будучи созданы для определенной цели, по достижении этой цели снова «выводятся из игры» как лишние элементы. Этой целью, несомненно, является идея возвеличивания, присущая семейному роману. В различных своих повторениях и повторениях своих родителей герой поднимается по социальной лестнице».

Передача опыта путем прямых идентификаций характерна для традиционных обществ, в которых каждый отдельный индивид не обладает ни субъектностью, ни личной историей, а является телом для воспроизводства идеала, средством актуализации и продолжения жизни традиции. Идеал первичен, передающий идеал индивид – вторичен. Чем точнее индивид следует традиции, чем полнее он воплощает и транслирует традицию, превращая свою жизнь в ритуал, тем сильнее его идентификация с идеалом. Место, по сути, отсутствующего актуального-Я личной истории занимает Я-Идеал. Распад традиции отнимает у Я инвестиции Идеал-Я, оставляя его обескровленным, пустой оболочкой, навязчиво воспроизводящей ритуал в надежде воскресить мертвеца.

У ребенка есть как минимум два пути, по которым может осуществиться его прямая идентификация – прямая идентификация с идеализируемым актуальным объектом и прямая идентификация с идеалом объекта. Так, если мальчик идеализирует актуального отца, он идентифицируется с ним. Если при этом актуальный отец является идеализируемым мужчиной для матери, то такая идентификация является логичным путем дальнейшего развития мальчика. То же, но в отношении матери, верно для девочки. Варианты начинаются, когда отец и мать не являются идеализируемыми объектами друг для друга. Подробнее влияние семейной динамики на формирование Идеал-Я и развитие ребенка будет рассмотрено в следующих частях книги.

Прямые идентификации – такой же естественный и неизбежный путь психического развития человеческого Я, как питание плода от плаценты. В строгом смысле слова, пока актуальное-Я личной истории недостаточно развито и не установлена дистанция между Я и Идеал-Я, существует единая структура Я-Идеал, в которой Идеал и Я идентичны, что является нормальным для ранних стадий психосексуального развития, поскольку таким образом иници-

ируется первичная связь между Я и инвестициями Идеал-Я, которая играет определяющую роль в нарциссической экономике индивида. Активность структуры Идеал-Я, её способность зачаровывать реальность и создавать привлекательные образы будущего, является источником ощущения ценности, осмысленности и радости жизни. Вместе с тем должна существовать определенная дистанция между Я и Идеал-Я, ведь Я отвечает за моторику и тестирование реальности, а содержания Идеал-Я всегда зовут выйти за пределы актуальной реальности. Инвестиции Идеал-Я передаются такими речевыми оборотами как «зов сердца», «миссия», «предназначение», «цель жизни», «смысл жизни» и т. д. Когда Я оказывается зачарованно и слепо идет на зов Идеал-Я, часть его испытывает нарастающую кастрационную тревогу. Восстановление дистанции с Идеал-Я сопряжено с переживанием ограничений и утрат, что ощущается как разочарование и утрата смысла, тогда как полная идентификация Я с Идеал-Я схлопывает две психические структуры в одну – Я-Идеал. Все более усиливающаяся при сближении Я и Идеал-Я тревога коллапсирует вместе с категориями ограничений и утрат. На свет появляется монструозный Я-Идеал, не знающий ни тревог, ни ограничений, ни утрат.

Реактивная тревога Я состоит из репрезентаций кастрационных тревог Сверх-Я, что может как тормозить черпаемую от идеалов творческую деятельность Я по преобразованию реальности, так и оберегать Я от опасностей чрезмерного идеализма. Когут считает, что различные страхи и фобии являются защитным образованием Я от актуализации архаичных фантазий о собственном всемогуществе и грандиозности, которые преодолевают законы социальной и физической реальности. Например, иррациональный страх высоты может быть обусловлен мобилизацией грандиозной веры в способность летать. Фантазия о собственной грандиозности побуждает Я совершить прыжок в пустоту, чтобы парить или плыть в пространстве. Однако реальность Я реагирует тревогой на активность тех секторов собственной сферы, которые склонны повиноваться угрожающему жизни требованию.

Ранк замечает, что помимо параноидных по своей структуре мифов о рождении героя идентификация Я с идеалом наблюдается также в структуре паранойи, перверсий, маниакальных расстройств и социопатий. Полагаю, исследование клинических случаев данных расстройств с акцентом на изучение структуры Идеал-Я может дать множество полезных для практической работы открытий. По моим наблюдениям, кратковременные или достаточно длительные актуализации Я-Идеала наблюдаются при занятиях экстремальными видами спорта, в сферах с высокими финансовыми рисками, а также при аддикциях. Поскольку Идеал-Я является хранилищем запасов инвестиций, идентификация Я с Идеал-Я – это получение карт-бланша, доступа к безграничному источнику энергии, ненасытной жажде и всемогуществу. Актуализация Я-Идеал сопровождается подъемом энергии, чувством эйфории, условности любых ограничений и запретов, представлениями о собственной неуязвимости, безупречности, непогрешимости, правоте, избранности, грандиозности. Актуальное-Я и собственное тело воспринимаются либо как инструмент, либо как ограничения, которые можно и нужно преодолеть на пути к своей высшей цели, своему высшему Я, идеалу.

Наглядной иллюстрацией мощи актуализированного Я-Идеала является психоаналитическое исследование жизни Стива Джобса, предпринятое аргентинским психоаналитиком Альберто Лоски с соавторами. Известно, что молодые родители Джобса отказались от ребенка по причине того, что дедушка Джобса по материнской линии был категорически против этой любовной связи дочери. Джобса воспитали приемные родители, что в точности соответствует структуре героического мифа. Джобс вырос с твердой уверенностью в том, что он особенный. Его несколько раз исключали из начальной школы: эксцентричное, капризное и требовательное поведение Джобса провоцировало возникновение конфликтов с учителями и сверстниками. Родители же, напротив, полностью подчинялись тирании ребенка и подстраивались под его требования. Так, например, в седьмом классе он ультимативно заявил родителям о смене школы, и те, не задумываясь, подчинились, даже несмотря на испытываемые в то время

финансовые трудности. То же самое происходило во время учебы в университете. Приемные родители Джобса были «простыми людьми», без высшего образования, и Джобс ощущал свое неизмеримое превосходство над ними, хотя и испытывал к ним искреннюю привязанность и благодарность.

Лоски с соавторами отмечают, что характерный для прямой идентификации орально-садистический характер определил жизнь и смерть Джобса, приведя его к формированию реактивного образования в форме рака поджелудочной железы. Так, Джобс соблюдал строгие посты и компульсивные диеты, стал веганом, полностью отказавшись от мяса и любых продуктов животного происхождения, перестал носить обувь и ходил босиком. Такова была, по мнению авторов, реакция на каннибальские влечения, являющиеся частью первичной идентификации. Джобс верил, что благодаря веганской диете его тело не источает запахов, и поэтому не мылся. В свою очередь, абсолютно все окружавшие его люди свидетельствовали об исходившем от него ужасном запахе. Этот выставленный напоказ запах вызывал у окружающих интенсивное отторжение, которое, согласно идее Фрейда, действует словно плотина для столь же интенсивного бессознательного влечения. Дурной запах манифестирует идентификацию с мертвым отцом. Выставление напоказ этого запаха означает демонстрацию обладания силой первобытного отца. Это инцестуозно-убийственный запах – запах богов, которые выше любого отвержения и невероятно притягательны для людей. Крис Бреннан, первая девушка Джобса, говорит, что Стив был сумасбродным и это то, что притягивало к нему людей. Важной составляющей этого притяжения являлась способность Джобса постоянно поддерживать всемогущество и грандиозность. В Стиве Джобсе имела место конъюнкция, через которую элементы безумия могли быть канализированы в реальность. Это была харизма мессии, в своей первичной идентификации занявшего место первобытного отца.

Особенность героически-мессианской идеи заключается в её насильственном и подрывном характере, выражающемся в ниспровержении установленного привычного порядка. Авторы исследования указывают на сходство жизни Джобса с мифом о Прометее: как и Прометей, Джобс решил изменить мир и сделал это, принеся людям огонь своего идеала, и, как и Прометей, чью печень терзали орлы, Джобс страдал и умер от терзавшего его поджелудочную железу рака. Мессианская идея Стива Джобса выражалась в различных проявлениях и преобразованиях и прежде всего в его характере и поведении – он был уникальным и исключительным существом, асоциальным во многих смыслах. Это свойство исключительности наглядно проявлялось в выступлениях Джобса на публике. Свойственные ему экстравагантность, своеобразие и тирания стали особенно очевидными в годы его молодости. В то же время у него была феноменальная интуиция. Эта способность предвидеть и предугадывать события была источником его выдающейся креативности и позволяла ему всегда опережать свое время. У Джобса было множество коммуникативных трудностей, но при этом у него был дар ухватить суть другого человека, просто взглянув на него. Он на лету подхватывал гениальные идеи и присваивал их, по сути просто крал их. Он был деспотичным, крайне требовательным и придирчивым к своим сотрудникам. Несмотря на свой тяжелый и асоциальный характер, он обладал почти гипнотической притягательностью, очаровывал и обезоруживал своей харизмой, больше похожей на харизму религиозного гуру, чем успешного предпринимателя. Бунтуя против человеческих правил и законов, он был рабом требований идеала, которые возлагались прежде всего на его собственное Я, но также распространялись и на его окружение. Благодаря своей развитой способности к сублимации Джобс мог давать выход идущим от мессианской идеи требованиям посредством создания инноваций, совершивших революцию в мире технологий и принесших Джобсу всемирную известность.

Идеальная структура и отцовство плохо совмещаются, нельзя быть Отцом и отцом одновременно. Быть богом – это совсем не про любовь. Как известно, греческие боги умерщвляли и были умерщвляемы своими детьми. В семейной системе разрушительный потенциал мессиан-

ской идеи чаще всего проявляется в её насильственном и подрывном характере. Инцест, дето-и отцеубийство – таковы содержания архаичного идеала. Это мы видим в Стиве Джобсе, когда он становится отцом в первый раз и упорно отказывается признавать свое отцовство, жестоко и публично отвергая собственную дочь Лизу. Когда же Джобс в браке с Лорен стал хорошим мужем и отцом, его Идеал, его мессианская идея приняли форму рака со столь же подрывным и разрушительным характером, в конечном итоге приведшим к смерти.

Идея о связи идеала с опухолью через метафору о бессмертных и безгранично нарциссичных зародышевых клетках предложил Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Аргентинские психоаналитики развили эту идею в *психоаналитическую теорию онкологических заболеваний*, в которой осуществляется плодотворное (или монструозное?) смешение языков биологии и психоанализа. Далее я кратко изложу основные тезисы этой теории, не претендуя на суждения о её достоверности.

Как и Фрейд, авторы теории указывают на то, что раковое образование состоит из клеток, которые являются частью многоклеточного организма, но при этом перестают подчиняться накладываемым организмом ограничениям. Эти клетки начинают бесконтрольно делиться, не соблюдая в своем разрастании пространственных границ и захватывая соседние территории, вторгаются в орган, частью которого являются, и тем самым нарушают или изменяют его функционирование, «крадут» у соседних клеток питательные вещества и кислород, а также могут «перемещаться» – вторгаться и захватывать другие органы в виде метастаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.